

Для цитирования: Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 2. — С. 325-341
doi 10.17059/2016-2-1
УДК 338.22(930.23)

А. И. Татаркин, В. Л. Берсенёв

Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: colbers@bk.ru)

КРУТОЙ РАЗВОРОТ К РЫНКУ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В РОССИИ (1992–1998 ГГ.) И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Обобщение и систематизация накопленной за двадцать с лишним лет литературы по истории реформы позволяют упорядочить имеющиеся представления о происходивших в рамках преобразований процессах и задать новый вектор осмысления социально-экономического развития России в последнее десятилетие XX в. — первые десятилетия XXI в. Первым шагом в этом направлении является анализ публикаций, отражающих подготовку, ход и результаты современной экономической реформы в 1990-е гг.

Историографический обзор включает в себя монографии, написанные как апологетами шоковой терапии, так и их оппонентами и критиками, в первую очередь — академиками РАН. На основе изучения этой литературы раскрывается спектр мнений по вопросам предпочтения шокового варианта преобразований, оценки итогов реформы к концу 1990-х гг. и возможностей альтернативных путей перехода от плановой к рыночной экономике.

В частности, апологеты шоковой терапии ссылаются на угрозу голода и гражданской войны для оправдания решений, вызвавших спад производства, гиперинфляцию и прочие негативные тенденции. Их критики отмечают, что отсутствие поддержки населения обусловило провал рыночных преобразований. Признавая очевидное, то есть существенное ухудшение экономических показателей, апологеты видят свой успех в формировании системы рыночных институтов и, исходя из этого, настаивают на безальтернативности реализованного варианта реформы. В свою очередь, их оппоненты полагают, что альтернативы шоковой терапии имелись, и отличительной их чертой было бы постепенное выращивание, а не внедрение в административном порядке институтов рыночной экономики.

Ключевые слова: историография, современная экономическая реформа, шоковая терапия, либерализация цен, приватизация, экономический спад

Введение, или зачем бывает нужна историография проблемы

Как бы это ни показалось странным, официальный юбилей — 20-летие с начала рыночных преобразований в отечественной экономике (если вести отсчет от вступления в силу указа о либерализации цен 2 января 1992 г.) — на официальном уровне прошел почти незамеченным. Скорее всего, четвертьвековой юбилей в начале 2017 г. также будет проигнорирован. Между тем ход и результаты современной экономической реформы в России нуждаются

не столько в публицистических дебатах в формате «что это было?», сколько в теоретическом осмыслении, в том числе и на уровне историографического анализа. В конце концов, за прошедший период был накоплен достаточно объемный массив разнообразной литературы — от аналитических статей в журналах экономического профиля до тематических монографий и даже мемуаров.

Историографический анализ составляет неотъемлемую часть концептуального осмысления исторического процесса во всех его проявлениях. Недооцененное современниками, как правило, подтверждается и раскрывается в процессе последующего развития историче-

¹ © Татаркин А. И., Берсенев В. Л. Текст. 2016.

ской науки, а историография позволяет раскрыть содержание не замеченного ранее более предметно. Однако если провести параллель с известным высказыванием Ю.В. Андропова по поводу незнания общества, в котором жили советские люди в первой половине 1980-х гг., то придется признать, что даже в среде специалистов нет понимания того, на что были направлены преобразования в экономике современной России, как следует оценивать их результаты, продолжается ли реформа в настоящее время, и если нет, то когда же она была завершена. В этом плане обобщение и систематизация накопленной за двадцать с лишним лет литературы по истории реформы позволяют упорядочить имеющиеся представления о происходивших в рамках преобразований процессах и задать новый вектор осмысления социально-экономического развития России в последнее десятилетие XX в. — первые десятилетия XXI в.

Предпосылки анализа

Соответственно, необходимо осуществить группировку наиболее значимых публикаций по разным основаниям, включая идеологическую ориентацию авторов (апологеты, критики), авторский подход к изложению материала (аналитика, мемуаристика, публицистика), содержательную сторону объектов анализа (общий ход реформы, приватизация, аграрные преобразования и др.), региональные аспекты реформирования российской экономики и т. д. Помимо этого, целесообразно в рамках общей хронологии событий (1990–2010-е гг.) выделить отдельные периоды, о каждом из которых будет специальная литература. Также следует учитывать и такую особенность объекта историографического анализа, как то, что литература по реформе представлена работами не только и не столько историков, сколько экономистов, социологов и политологов.

Необходимо отметить, что определенные попытки составления историографических обзоров по данной теме предпринимались и ранее. К сожалению, слишком часто они сводились к перечням фамилий авторов, якобы причастных к изучению истории реформирования российской экономики на рубеже XX–XXI столетий (особо характерен этот подход для диссертаций экономического профиля). Исключение составляет литература, представленная на сайте «Критика российских реформ»¹, хотя тут в основном присутствуют

отклики на отдельные издания, в том числе рецензия А.Д. Некипелова² на коллективную монографию «Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики)» [1], рецензия Н.Я. Петракова³ на монографию Н.П. Федоренко «Россия: уроки прошлого и будущего» [2] и др. Наряду с этим на сайте выставлен ряд историографических обзоров зарубежной литературы, посвященной экономическим преобразованиям в современной России [3–5]. В целом же приходится констатировать, что историография современной экономической реформы в России нуждается в дальнейшей разработке.

Вместе с тем следует признать, что в рамках одной журнальной публикации практически невозможно охватить все нюансы такой большой темы, как историография современной экономической реформы в России. Поэтому в данной статье предпринимается попытка систематизировать наиболее значимые монографии и статьи, посвященные самой активной фазе преобразований — от начала 1990-х гг. и до дефолта 17 августа 1998 г. Нижняя граница хронологических рамок исследования достаточно условна, поскольку сама тема предполагает обращение к процессам и явлениям эпохи перестройки (1985–1991 гг.) и их оценкам в литературе, однако данный сюжет заслуживает отдельного анализа. Верхняя граница определяется знаковым событием — дефолтом 17 августа 1998 г., после чего ход реформы приобрел, пусть и при сохранении базовой ориентации на переход к рыночной экономике, несколько иные черты.

Если исходить из идеологической (гражданской) позиции авторов, пишущих о современной экономической реформе в России, то в числе апологетов реализованного варианта преобразований 1990-х гг. преобладают его непосредственные исполнители (Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс, Е.Г. Ясин и др.), занимавшие в тот период ключевые посты в федеральном правительстве. С критикой же выступают в первую очередь представители Российской академии наук (академики Л.И. Абалкин, Н.П. Федоренко, Н.Я. Петраков и др.), а также различные группы не ангажированных либеральным бондом исследователей, попытавшихся подвести первые итоги перехода к рынку уже во второй половине 1990-х гг. [6, 7].

¹ См.: <http://www.r-reforms.ru/index.htm> (дата обращения — 24.03.2016).

² См.: <http://www.r-reforms.ru/indexpubnekipelov.htm> (дата обращения — 24.03.2016).

³ См.: <http://www.r-reforms.ru/indexpubpetrakov.htm> (дата обращения — 24.03.2016).

Апология шоковой терапии

Несомненно, особое место среди «апологетической» литературы занимают публикации Е.Т. Гайдара — идейного вдохновителя и организатора преобразований в варианте, получившем определение «шоковая терапия». В свою очередь, в общем массиве опубликованного можно выделить ряд монографий различной жанровой направленности, содержащих обоснование и оправдание как выбора концептуальной основы реформы, так и практических шагов по достижению поставленных целей.

Аналитика в данном случае представлена персональными монографиями «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории» (2005) [8] и «Гибель империи. Уроки для современной России» (2006) [9], а также написанной совместно с А.Б. Чубайсом книгой «Развилки новейшей истории России» (2011) [10]. Еще две монографии Е.Т. Гайдара — «Государство и эволюция» (1995) и «Смуты и институты» (2009), в 2010 г. опубликованные под одной обложкой [11], относятся, скорее, к публицистике. Впрочем, грань между жанрами в этих книгах оказывается достаточно условной, и с таким же успехом в них можно обнаружить и элементы мемуаристики. Собственно же мемуары Е.Т. Гайдара «Дни поражений и побед» [12] в первый раз были опубликованы в 1996 г., и знакомство с ними позволяет лучше оценить саму личность лидера реформаторов, его побудительные мотивы и основания для тех или иных оценочных суждений.

В частности, складывается впечатление, что убежденность в собственной правоте во многом объяснялась завышенной самооценкой Е.Т. Гайдара. Свидетельством тому являются встречающиеся в тексте оговорки вроде: «Виталий Исаевич Кошкин подозревал меня к себе, сказал, что хочет быть моим научным руководителем» [12, с. 28]. В свою очередь, характеристики политиков-конкурентов граничат иногда с откровенным хамством (Г.А. Явлинский «скрыто страдает от явных изъянов в своем экономическом образовании» [12, с. 63], А.В. Руцкой — человек крайне ограниченный, «мечущаяся, неуверенная в себе натура» [12, с. 160, 162] и др.) Возможно, именно отсюда берут начало ксенофобские и даже расистские настроения, культивируемые московско-петербургской «либеральной» общественностью в первые десятилетия XXI в.

К числу аналитических материалов по современной экономической реформе в России, подготовленных при непосредственном участии Е.Т. Гайдара, следует также отнести трех-

томник «Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России» (1998–2008) [13–15]. Он был выпущен Институтом экономики переходного периода, основателем и директором которого являлся Е.Т. Гайдар, а первый том содержал анализ результатов преобразований в 1991–1997 гг.

Обращение к публикациям Е.Т. Гайдара позволяет получить более детальное представление о содержании и ходе реформы, в том числе получить ответы на адресованные, в сущности, всем пишущим про реформу авторам вопросы:

1. Почему был выбран и реализован именно шоковый вариант преобразований?

2. Как следует оценить итоги реформы?

3. Возможны ли были иные варианты преобразований в российской экономике 1990-х гг.?

Известный экономист и политик Г.Х. Попов, бывший деканом экономического факультета МГУ в пору студенчества Е.Т. Гайдара, предложил неожиданное объяснение симпатий лидера молодых реформаторов к шоковой терапии в интервью еженедельнику «Совершенно секретно» (см. <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/2437/>). По его словам, Е.Т. Гайдар, обучавшийся на отделении зарубежной экономики, специализировался по Чили. Соответственно, он мог, владея к тому же испанским языком, достаточно детально ознакомиться с деятельностью команды «чикагских мальчиков» (С. де Кастро, Х. Кауяс, П. Бараона и др.), осуществлявшей первый этап радикальных экономических преобразований в этой стране (1974–1981 гг.) после прихода к власти военной хунты во главе с А. Пиночетом. Отсюда также Г.Х. Попов выводит и приверженность Е.Т. Гайдара доктрине монетаризма, разработанной как раз «чикагской школой» во главе с М. Фридменом в 1950–1960-х гг.

Необходимо, однако, отметить, что реформаторская часть российского правительства в 1992 г. отнюдь не следовала рекомендациям М. Фридмена. Как известно, его идея, что темпы экономического роста определяются величиной денежной массы в обороте, легла в основу 2- и 5-процентного правила роста денежной массы в годовом исчислении. При этом сам М. Фридмен признал свою неспособность определить, какое же правило действеннее, в разделе «Заключительные шизофренические заметки» программной работы «Оптимальное количество денег» [16, с. 102–103]. К тому же доктрина монетаризма ориентируется на ситуацию дефляции как яркого проявления классического кризиса перепроизводства, что явно

не соответствовало положению, сложившемуся в народном хозяйстве РСФСР на рубеже 1980–1990-х годов. Скорее, Е.Т. Гайдар взял у М. Фридмена активно пропагандируемый им тезис о необходимости сведения роли государства в экономике к минимуму ([17, 18] и др.).

Свое неприятие государства как субъекта хозяйственной деятельности Е.Т. Гайдар попытался обосновать в одной из первых значимых работ постсоветского периода с многозначным названием «Государство и эволюция», написанной в августе-сентябре 1994 г. Неэффективность государственной собственности в ней доказывалась на историческом материале, точнее — на повторении известных положений, составляющих содержание концепции азиатского способа производства.

Судьба этой концепции в рамках советской историко-экономической науки складывалась непросто. Несмотря на то, что ее основы сформулировал К. Маркс, идеологи ЦК ВКП(б) по ходу развернувшейся на рубеже 1920–1930-х гг. дискуссии вокруг категории «азиатский способ производства» обвинили тех, кто признавал его наличие в странах Древнего Востока (Л. Мадьяр и др.), в создании почвы для «политически неверных троцкистских настроений» [19, с. 62].

В 1960-х гг. развернулась новая дискуссия, толчком к которой послужили результаты работы VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 1964 г.) На этот раз сторонники концепции «азиатского способа производства» политическим репрессиям не подвергались, однако общий итог дискуссии был закономерен. Выделив отдельные логические неувязки в позиции сторонников существования азиатского способа производства, один из апологетов официальной трактовки наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященного докапиталистическим общественно-экономическим формациям, В.Н. Никифоров сделал вывод, что «„рабовладельческая“ концепция по меньшей мере более правдоподобна, чем гипотезы, выдвигаемые ей на смену» [20, с. 126].

Возрождение интереса к категории «азиатский способ производства» в годы перестройки (1985–1991) породило очередную, третью по счету дискуссию, и именно в данном случае было открыто признано то, из-за чего подвергались гонениям представители «школы Мадьяра» и их единомышленники в 1960-х гг. Те признаки азиатского способа производства, которые выделял К. Маркс, в общих чертах совпадали с реалиями социалистического общества в СССР, включая преобладание государ-

ственной собственности в экономике и деспотизм в политике.

Современные отечественные либералы для подтверждения тезиса об исторической обусловленности деспотического характера правления при социализме предпочитают ссылаться на соответствующую монографию К. Виттфогеля [21]. Однако следует признать, что привлекает их, в первую очередь, антикоммунистический настрой автора — бывшего марксиста, хотя в целом концепция К. Виттфогеля ничем принципиально не отличается от концепции К. Маркса и весьма уязвима для критики (см., напр.: [22]). Скорее всего, именно или во многом поэтому «гидравлическое государство» К. Виттфогеля оставалось вне внимания российских обществоведов в 1990–2000-е гг.

У Е.Т. Гайдара в «Государстве и эволюции» также не нашлось места для комментариев к искусственным во многом построенным К. Виттфогеля. Он просто предпочитает, критикуя сращивание власти и собственности в государствах Древнего Востока, утверждать: «Лучший стимул к инновациям, повышению эффективности производства — твердые гарантии частной собственности. Опираясь на них, Европа с XV в. все увереннее становится на путь интенсивного экономического роста, обгоняющего увеличение населения» [11, с. 200].

Вообще-то в конце XV столетия произошло событие, заложившее как раз противоположный тренд. После открытия Колумбом Америки Испания быстро обрела статус великой державы и выступала в течение двух веков в роли жандарма Европы исключительно благодаря притоку золота и серебра из Нового Света. За это время в стране деградировало даже сельское хозяйство, не говоря уже о ремеслах и торговле. В свою очередь, германские земли, за исключением нескольких территорий, оставались в глубокой стагнации вплоть до первой половины XIX века. Примерами того, как отношения частной собственности выступали действенным стимулом для развития национальной экономики в целом, в этот период оставались лишь Англия и отдельные итальянские государства. Даже во Франции в роли инициатора инноваций периодически выступало государство, персонифицированное в лице Ж.Б. Кольбера, суперинтенданта (министра) финансов при Людовике XIV, императора Наполеона I и других крупных политиков.

Кроме того, надо учитывать то, что начиная с эпохи античности, институт частной соб-

ственности возвращался. Крупные состояния тех же европейских бюргеров накапливались из поколения в поколение, что позволяло воспринимать имеющееся богатство как непротиворечащее нормам права и морали. Е. Т. Гайдар в стремлении оправдать ускоренные темпы рыночных преобразований на старте реформы проводит мысль о том, что к этому моменту «номенклатурой была приватизирована практически вся сфера хозяйства» [11, с. 293]. Отсюда и предпринятые меры кажутся весьма своевременными: «Если до конца 1991 г. обмен власти на собственность шел в основном по нужному номенклатуре „азиатскому“ пути, то с началом настоящих реформ (1992 г.) этот обмен повернул на другой, рыночный путь.

Введение свободных цен, указ о свободе торговли, конвертируемость рубля, начало упорядоченной приватизации, если их расценивать с социально-экономической точки зрения, означали следующее:

Без насильственных мер, без чрезвычайного экономического положения удалось мягко изменить систему отношений собственности, катастрофическую систему конца 1991 года» [11, с. 294].

Разумеется, круг новых собственников не вызывал признания у прочих участников «ваучерной» приватизации, в силу своей неорганизованности лишенных возможности обрести что-либо значимое. По крайней мере, стремление многих из новых собственников реализовать наиболее ликвидные активы полученных в собственность предприятий и максимизировать личный доход и потребление не просто контрастировало с традицией «протестантской этики» (по М. Веберу), но и служило одним из объяснений спада материального производства, сопоставимого с потерями в крупномасштабной войне. Однако Е. Т. Гайдар полагал, что «потеря темпа была бы непозволительной роскошью». Поскольку никаких вразумительных объяснений, почему более низкие темпы приватизации были бы «непозволительны», остается только признать вслед за ним, что «решение в пользу скорейшего запуска далекого от совершенства, но позволившего начать движение вперед механизма приватизации во многом предопределило дальнейшее развитие экономических реформ в России» [11, с. 298]. Впрочем, литература по такой непростой теме, как приватизация государственного и муниципального имущества в России, требует отдельного анализа.

Завершается же «Государство и эволюция» несколько неожиданным признанием

Е. Т. Гайдара, что он считает себя и своих единомышленников русскими государственниками и патриотами: «Считаю так по простейшей причине — главной нашей задачей вижу решение стратегических проблем государства, доведение до конца рыночных реформ и построение устойчивого, динамичного, богатого общества западного типа в нашей стране» [11, с. 328].

Более детальное оправдание содержания и темпов преобразований, начатых в январе 1992 г., содержится в последующих книгах Е. Т. Гайдара, опубликованных уже в 2000-х гг. В них еще более явно заметно замечательное авторское отношение к анализу экономических тенденций и явлений — опора на обширный исторический материал. А. Б. Чубайс даже называл Е. Т. Гайдара «глубоким историком» [10, с. 11], с чем были согласны далеко не все исследователи научного наследия «отца рыночных реформ».

В частности, А. Берелович обнаружил в «Долгом времени» немало недостаточно обоснованных утверждений и произвольно выбранных данных, а также откровенное игнорирование фактического материала, который не вписывался в концепцию автора. Даже ставя под сомнение «марксистское» представление о «железных законах истории», Е. Т. Гайдар остается в рамках жесткого экономического детерминизма и рассматривает мировую историю как переход стран-лидеров от «аграрных обществ» к «современному (быстрому) экономическому росту» при сохранении «аномалий», к которым относится и Россия [23]. Соответственно, ускоренное движение нашей страны в направлении либеральной демократии и рыночной экономики представляется предопределенным и безальтернативным.

«Гибель империи» в этом плане еще более показательна. Менторский посыл, заложенный уже в подзаголовок, должен привести читателя к несложной логической цепочке: «Империи недолговечны — СССР был империей, что его и погубило — Россия, чтобы не погибнуть, должна отказаться от имперских амбиций». Автор начинает с рассуждений о природе империй как особой форме государственности и сразу же попадает в терминологическую ловушку. Если империей является всякая страна, именно так позиционирующая себя в названии, то тогда исчезает объект критики. Не случайно Е. Т. Гайдар даже не упоминает печально прославившуюся во второй половине 1970-х гг. Центрально-Африканскую империю и ее императора Бокассу, практико-

вавшего поедание (в буквальном смысле слова) своих политических противников. Также была проигнорирована формально существовавшая в Западной Европе в 962–1806 гг. Священная Римская империя германской нации, представлявшая собой некую конфедерацию государств с номинальной властью императора, избираемого королями и курфюрстами (современный Евросоюз в этом отношении представляет собой гораздо более централизованное политико-экономическое явление). Наконец, автор не замечает, что в «мягкой имперской» форме США в настоящее время контролируют обширные регионы мира, включая и Европу, что даже и не скрывается американским истеблишментом.

Однако сверхзадача Е.Т. Гайдара как историка — доказать наличие черт империи в СССР и Российской Федерации, чтобы подвести к главной мысли о неизбежности краха проекта под названием Россия. На это ориентированы содержащиеся в главах 4–8 пространные историко-экономические эссе, посвященные нефтяным шокам 1970–1980-х гг. и их негативному воздействию на советское народное хозяйство, идейному и экономическому кризису эпохи перестройки и, что, собственно говоря, представляет особый интерес, начальному этапу современной экономической реформы в России (1991–1992 гг.).

На этом фоне наименее одиозно выглядят «Развилки новейшей истории России», не выходящие за рамки уже ставшего традиционным для либералов-сахаровцев антикоммунистического дискурса и не претендующие ни на опровержение, ни на доказательство наличия «железных законов истории».

Во всех этих книгах, как и в мемуарах Е.Т. Гайдара, ответ на вопрос о причинах выбора шокового варианта преобразований сводится не к борьбе с «номенклатурной приватизацией», а к тезису о наличии и углублении к осени 1991 г. двух взаимосвязанных кризисов — финансового и продовольственного. В подтверждение этого приводится весьма обширный массив документальных свидетельств, в том числе архивных, из которых вырисовывается следующая картина. Дефицит продовольствия перерастал в прямую угрозу голода, а для решения этой проблемы у правительства не было необходимых финансовых ресурсов, в том числе валютных («в стране не было ни зерна, ни валюты для его закупки» [10, с. 46]). Причины сложившегося положения объяснялись ошибками руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым, так и не решившегося в нуж-

ное время (примерно в 1987–1988 гг.) на реформу ценообразования. Отсюда единственным выходом представлялись ускоренные рыночные преобразования, включая либерализацию цен, приватизацию государственной и муниципальной собственности, проведение жесткой кредитно-финансовой политики и т. д.

Следует отметить, что во всех перечисленных книгах Е.Т. Гайдар, противореча своим же публицистическим заявлениям, признавал, что зерно и другие виды сельхозпродукции все же имелись в наличии, но «крестьяне» не хотели их продавать «городу» по фиксированным ценам. Это же касалось и прочих потребительских товаров. Поэтому либерализация цен представлялась первым из числа жизненно необходимых шагов на первом этапе преобразований, и он был сделан 2 января 1992 г.

Кстати, в связи с этим требуется развеять один из мифов, сопровождавший начальный период реформы. В общем потоке критических высказываний в адрес действий «правительства реформаторов» бытовало и утверждение, что народу ничего не объяснили ни в процессе подготовки программы преобразований, ни после перехода к ее реализации. Это не совсем так.

В материалах второго этапа Пятого съезда народных депутатов РСФСР (рубеж октября–ноября 1991 г.) были обозначены только общие контуры реформы, и эта информация просто не могла вызвать широкий общественный резонанс. Однако далее, в ноябре–декабре того же года вопросы либерализации цен, приватизации государственного имущества и т. д. уже обсуждались и в прессе, и на научных форумах. Были дополнительно, то есть помимо официальных изданий, опубликованы сборники нормативных актов, составивших правовую базу первого этапа реформы, в частности — брошюра «Экономическая политика Правительства России. Документы. Комментарий» [24]. В ней замысел и перспективы преобразований излагались в специальном приложении «Стабилизация и выход из кризиса. Об экономической политике Правительства России в вопросах и ответах». Несколько позже была опубликована и «Программа углубления экономических реформ в России» [25] с соответствующими комментариями. Так что всякий желающий познаться с содержательной стороной намеченных преобразований мог это сделать.

Уже в этих публикациях подчеркивалось, что главную опасность реформаторский блок

правительства видел в растущем инфляционном навесе и крупных диспропорциях в денежных потоках: «Дефицит товаров, сочетающийся со все ускоряющимся ростом цен, который достиг 15 % в месяц, или 650 % в расчете на год, — вот суть этого кризиса... Налоговая система оказалась совершенно не приспособленной к инфляционной ситуации. В 2,5 раза упала доля доходов государства в валовом национальном продукте. Все это окончательно развалило государственный бюджет — гарант стабильности экономики» [24, с. 58].

Это говорилось в брошюре «Экономическая политика Правительства России». В брошюре «Программа углубления экономических реформ в России» рисовалась аналогичная картина: «К концу прошлого года страна оказалась в катастрофической ситуации. Непродуманные действия в сфере управления экономикой за последние несколько лет проявились в разрушении хозяйственных связей между производителями, отсутствии стимулов к производительному труду, утрате доверия к национальной валюте со стороны как предприятий, так и населения. Типичная картина того периода нарастающая бартеризация хозяйственных связей (предельно неэффективных по определению), повсеместное проникновение талонной системы распределения товаров и продуктов без гарантий их обеспечения, абсолютно пустые прилавки магазинов государственной торговли» [25, с. 3].

Предполагалось, что жесткая кредитно-финансовая политика и предельное ограничение платежеспособного спроса населения путем либерализации цен обеспечат резкое замедление темпов роста инфляции и достижение бездефицитного бюджета. На потребительском рынке свободные цены при укрепившемся рубле должны были стать главным стимулятором роста производства и улучшения качества товаров, устранив очереди и дефицит. Приватизация государственных предприятий и конверсия оборонной промышленности наряду с ослаблением нагрузки на бюджет способствовали бы привлечению новых инвестиций и структурной перестройке народного хозяйства с ориентацией на приоритетное развитие наукоемких отраслей и опережающий рост производства товаров повышенного спроса и потребления. Формирование рыночных механизмов регулирования народнохозяйственных процессов (система бирж, коммерческих банков и др.) обеспечивало бы гарантии необратимости осуществляемых преобразований, окончательно вытесняя

оставшиеся элементы системы директивного планирования.

Первые итоги реформы

В числе ожидаемых результатов преобразований выделялись следующие: «В течение 1992 года будет в основном завершена либерализация экономики и внешней торговли. Для этого периода неизбежна высокая инфляция, которая, однако, затем должна быть остановлена. Достижение стабилизации денежной системы, снижение инфляции до 3 % в месяц позволят укрепить рубль, ввести его конвертируемость по текущим операциям. Тем самым будут созданы необходимые стимулы для производства. Реальный курс рубля начнет повышаться, улучшая возможности для импорта. Вместе с тем либерализация внешней торговли, снижение экспортных пошлин должны обеспечить рост экспорта.

В производстве в 1992 году ожидается спад на 15 %. В 1993 году он в основном будет преодолен. Уже в 1994 году начнется стабилизация производства, а затем некоторый его рост» [25, с. 59–60].

Как известно, данный прогноз оказался несбыточным. Даже известный «либеральный» экономист А. Илларионов, подводя первые итоги преобразований, назвал лишь февраль 1992 г. медовым месяцем экономической реформы, после чего началась «тихая контрреформа», и следствием «безответственной популистской политики стало резкое падение курса рубля, опустошение товарных запасов, взрывной рост цен, падение жизненного уровня подавляющего большинства населения» [26, с. 25, 26].

Еще более определенно оценивали начальный период реформы представители академической экономической науки. В февральском номере журнала «Вопросы экономики» за 1994 г. был опубликован доклад Института экономики РАН «Социально-экономическая ситуация в России: итоги, проблемы, пути стабилизации». В нем прямо говорилось: «Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в России в результате двухлетнего осуществления политики „шоковой терапии“, характеризуется беспрецедентным спадом производства, массовым обнищанием населения, утратой социальных идеалов и разрушением нравственных устоев общества. Все это вызывает серьезную тревогу за судьбы страны, вновь и вновь возвращает к вопросу о ходе экономических реформ» [27, с. 126].

Соответственно, и в появившихся вскоре коллективных монографиях, посвященных

развитию экономической ситуации в стране в первой половине 1990-х гг., также присутствовало признание, что рыночные преобразования привели к результатам, не предусмотренным программой реформы. При этом, если в работе «Экономические реформы в России: итоги первых лет (1991–1996)» спад ВВП оценивается в процентном отношении применительно к предыдущему году [6, с. 10], что не позволяет получить сопоставимые показатели за исследуемый период в целом, то в монографии «Состояние и противоречия экономической реформы» указывалось, что ВВП России в 1996 г. составлял 61,4 % от уровня 1991 г., в том числе в промышленности — 51,3 %, в сельском хозяйстве — 65,8 % [7, с. 54].

Встречались и другие оценки экономического спада, что объяснялось и разными методиками расчетов, и противоречивыми тенденциями в динамике объекта анализа (краткосрочные подъемы в различные годы), и выбором хронологических границ исследования. В частности, академик А.Г. Аганбегян утверждал, что в 1998 г. валовой внутренний продукт Российской Федерации сократился до уровня в 56 % к аналогичному показателю 1989 г. [28, с. 14–15]. Академик Н.П. Федоренко просто говорил о двукратном сокращении объема ВВП России за 1990-е гг. [2, с. 282]. Обращение к другим публикациям также подтверждает тот факт, что оценка спада производства в пределах 50 % к дореформенному периоду стала общепринятым публицистическим трендом.

Помимо статистических показателей оценивались и тенденции, отражающие происходившие в российском обществе процессы. К примеру, по инициативе Российской академии наук был реализован проект «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние» (науч. рук. академик О.Т. Богомолов), результатом чего стал ряд крупных публикаций, в том числе и сборник статей известных ученых-обществоведов и общественных деятелей «Неэкономические грани экономики: неосознанное взаимовлияние» [29].

Сборник открывается небольшим разделом под показательным названием «Диагноз экономике России». Академики О.Т. Богомолов и Р.И. Нигматулин, а также профессор Б.И. Нигматулин обосновали с помощью конкретных расчетов мысль, на уровне обыденного сознания уже давно воспринимаемую как аксиома: современная экономическая реформа, мягко говоря, не удалась. С ними солидарны и авторы всех последующих разделов, посвященных духовно-нравственным основам

общественного развития, общественно-политическому устройству страны, ее интеллектуальному, научно-техническому и демографическому потенциалу, а также российской элите — явлению эфемерному и оттого тем более непознанному.

Е.Т. Гайдар, оценивая итоги реформы, предпочел акцентировать внимание не на показателях социально-экономического развития страны, а на институциональных изменениях. В мемуарах, признавая нарастание экономических и социальных проблем по ходу преобразований, он все же заявляет: «Первое и главное, что удалось сделать, — это сдвинуть реформы с мертвой точки, запустить рыночный механизм». Примечательна его реакция на вступление в силу Указа о свободе торговли в конце января 1992 г. Вид длинной шеренги людей, выстроившихся у магазина «Детский мир» на Лубянской площади и пытающихся продать «несколько пачек сигарет или пару банок консервов, шерстяные носки и варежки, бутылку водки или детскую кофточку», вызвал у Е.Т. Гайдара не сожаление, а восторг: «Если у меня и были сомнения — выжил ли после семидесяти лет коммунизма дух предпринимательства в российском народе — то с этого дня они исчезли» [12, с. 156, 221].

В работах 2000-х гг. признание институциональных преобразований как символа успеха звучит еще более определенно. В «Долгом времени» в качестве главного результата реформы Е.Т. Гайдар вновь указывает на то, что «сегодня Россия ... является страной рыночной экономики. Этот факт нашел широкое признание в мире» [8, с. 413]. Соответственно, в качестве доминирующей проблемы современной России рассматривается «кризис индустриальной системы и формирование социально-экономических основ постиндустриального общества. Этот процесс определяет сущность происходящей сегодня трансформации, основные вызовы, с которыми будет сталкиваться страна на протяжении ближайших десятилетий» [8, с. 413].

В «Гибели империи» нет специального раздела, посвященного итогам 15-летнего (на момент выхода книги) периода реализации реформы. Е.Т. Гайдар лишь увязывает успех институциональных преобразований с недостижением собственных политических целей: «Я и мои коллеги, начинавшие реформы в России, понимали, что переход к рынку, адаптация России к новому положению в мире, существованию новых независимых государств будет происходить непросто. Но мы полагали,

что преодоление трансформационной рецессии, начало экономического роста, повышение реальных доходов населения позволят заменить несбыточные мечты о восстановлении империи прозаичными заботами о собственном благосостоянии. Мы ошибались» [9, с. 16]. В данном случае, как следует из контекста, под мечтами о «восстановлении империи» понималось даже не возрождение СССР, а рост национального самосознания населения России, отторжение искусственно навязываемых ценностей и т. д.

Однако если в политическом плане превратить Россию в государство «западного типа» не удалось, то в экономике институциональные преобразования, по мысли Е.Т. Гайдара и А.Б. Чубайса, оправдали себя в экстремальной ситуации, вызванной дефолтом 17 августа 1998 г. В «Развилках новейшей истории России» преодоление постдефолтного кризиса объясняется следующим образом: «Эксперимент по пребыванию левых осенью 1998 года у руля власти показал, что они не смогли развернуть страну назад, в „светлое советское прошлое“. На практике было доказано, что и в России выход из кризиса и дальнейшее развитие экономики возможны только в условиях макроэкономической стабилизации и на основе частной собственности.

Левые, придя к власти в 1998 году, оказались не в состоянии реализовать ни один из своих лозунгов — ни национализацию промышленности, ни отмену хождения доллара, ни введение госконтроля за ценами. Этот исторический эксперимент показал: проведенные ранее рыночные преобразования задали рамки для принятия глобальных экономических решений. Левые не смогли вырваться за эти рамки.

Механизмы рыночной экономики достигли такой зрелости, что их реакция на кризис оказалась вполне адекватной. Разорвались неэффективные убыточные производства, а компании, способные расти и развиваться, росли и развивались. Долгосрочные последствия выбранной в результате дефолта развилки и последующие действия правительства Примакова привели к тому, что начавшийся в 1997 году и прерванный кризисом 1997–1998 годов экономический рост в России возобновился уже в начале 1999 года и оказался устойчивым на протяжении следующего десятилетия...» [10, с. 115–116].

На этом фоне ответ на третий вопрос — о признании Е.Т. Гайдаром возможности или допустимости альтернативного варианта преобразований — представляется очевидным. Тем не менее, можно отметить еще один эпи-

зод, подчеркивающий убежденность лидера реформаторов в своей правоте. Дискутируя в «Смутах и институтах» как с малоизвестными американскими профессорами П. Реддвэем и Д. Глински [30], так и с Дж. Стиглицем [31] (обладателем премии им. А. Нобеля в области экономики за 2001 г.), он отвергает их тезис о необходимости медленных темпов преобразований, начинать которые следовало бы с формирования институтов рыночной экономики при сохранении социальной стабильности. Ведущим аргументом при этом остается ссылка на экстремальность ситуации (отсутствие зерна и т. д.), местами несколько драматически приукрашенной («Когда государство было просто не способно выполнять свои функции») [11, с. 11–12].

Вообще-то государство было способно выполнять свои функции, иначе реформа просто не состоялась бы. Однако вопрос о темпах преобразований оставался ключевым, поскольку перспектива «коммунистического реванша» казалась Е.Т. Гайдару и его сторонникам вполне реальной. Поэтому лидеры реформаторов предпочли вариант отрицания предложений, предполагающих смену приоритетов в отношении хода реализации реформы, как заведомо неприемлемых.

Эти опасения «реванша» и последующих за ним репрессий вполне объяснимы, если учесть детали предшествующей эпохе реформ ситуации 1980-х гг., когда будущие реформаторы, а тогда комсомольские и партийные активисты, зарабатывали себе репутацию борцов с режимом, имитируя подпольную деятельность. Впрочем, А.Б. Чубайс невольно опроверг утверждение Е.Т. Гайдара, что участие в молодежных семинарах на Змеиной горке под Ленинградом в середине 1980-х гг. могло привести к нежелательным последствиям для присутствующих, поскольку на них обсуждались «самые идеологически опасные вопросы» [12, с. 43–44]. Действительно, с конца 1970-х группа молодых ленинградских ученых-экономистов проводила встречи, на которых рассматривались самые различные темы, включая НЭП, югославскую модель социалистической экономики, экономическую ситуацию в СССР и т. д. Однако делалось это в рамках работы совета молодых ученых Ленинградского инженерно-экономического института. Соответственно, и якобы подпольные семинары в пригородном пансионате с привлечением московских интеллектуалов-единомышленников за эти рамки не выходили [32, с. 5–8]. Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что именно бла-

годаря этим собраниям и сложилась команда будущих членов реформаторского блока российского правительства, а далее с ней работали уже целенаправленно совсем другие силы.

В частности, доктор экономических наук, профессор Е.Г. Ясин в курсе лекций «Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ» дополняет историю подготовки будущих реформаторов к выполнению своей миссии одним любопытным сюжетом [33, с. 149–152], в иных публикациях на эту тему не встречающимся. Он отмечает, что важную роль в выработке плана грядущей реформы сыграл семинар в г. Шопрон (Венгрия), проведенный Венским институтом системных исследований в июле 1990 г. Уже тогда в рамках проекта «Экономическая реформа и интеграция» Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Шохин, П. Авен и другие будущие реформаторы прошли обучение под руководством У. Нордхауза, Р. Дорнбуша, Р. Лэйрда и прочих известных западных ученых-экономистов.

Как раз на этом семинаре прозвучал ряд впоследствии реализованных рекомендаций, включая начало преобразований в варианте big bang или большого скачка (шоковой терапии) с одномоментной либерализацией цен, проведением крайне жесткой финансовой политики, немедленной корпоратизацией (акционированием) крупной промышленности и т. д. Примечательно, что одна из установок звучала следующим образом: «Никаких индексаций, особенно автоматических. Планирование бюджетных ассигнований только в номинальных суммах с последующим торгом с бюджетополучателями, страдающими из-за роста цен. Циничный отказ в удовлетворении их справедливых требований до крайней степени возможностей. При неизбежности — только частичная компенсация потерь» [33, с. 150–151].

Итоги преобразований 1990-х гг. Е.Г. Ясин подводит также с позиций институционального подхода: «На первом этапе сделан минимум — создана рыночная экономика взамен плановой. Теперь нужен следующий шаг — сделать ее эффективной...» В свою очередь, незавершенность реформы видится в проблеме структурной перестройки, то есть в необходимости обеспечения прогрессивной структуры экономики с преобладающим развитием отраслей высокой технологий и др. Для этого нужны «сильные институциональные предпосылки», включая дальнейшую либерализацию, улучшение налоговой системы, активизацию антимонопольной политики и т. д. [33, с. 429, 430].

В целом же курс лекций Е.Г. Ясина весьма примечателен с фактологической точки зрения. После краткого экскурса в историю России до 1917 г. в нем дается достаточно обстоятельный анализ развития советской экономики, раскрываются подробности процесса формирования программы реформы (Шопронский семинар выступает здесь не более чем одним из эпизодов) и детально описываются все направления преобразований вплоть до финансового кризиса 1998 г. В определенном смысле либеральная трактовка подготовки и реализации современной экономической реформы в России у Е.Г. Ясина представлена более содержательно, нежели у Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса.

Достаточно детально, хотя и в более сжатом виде ход преобразований был раскрыт и в главе II «Социально-экономический кризис 90-х гг. XX в. в России» монографии академика А.Г. Аганбегяна «Социально-экономическое развитие России» [28, с. 14–47]. При этом наряду с демонстрацией симпатии автора к «молодым реформаторам» здесь можно встретить и ряд критических замечаний. В частности, отказ от индексации вкладов населения и остатков средств предприятий и организаций на банковских счетах характеризуется как ошибка, в результате которой была утрачено доверие к финансовым институтам и т. д., вплоть до роста популярности КППФ. Также в вину реформаторскому блоку правительства ставятся отсутствие продуманной социальной и аграрной политики, игнорирование проблем военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов. Впрочем, общий вывод звучит однозначно: «И тем не менее при всех этих ужасных ошибках стратегический курс правительства на переход к рынку, либерализацию цен, жесткую финансовую и кредитно-денежную политику, приватизацию был оправдан.» [28, с. 32]

Академический взгляд на преобразования 1990-х гг.

В отличие от А.Г. Аганбегяна, академик Л.И. Абалкин изначально выступал как последовательный критик решений и действий реформаторского блока правительства. В сборнике его публицистических выступлений начала 1990-х гг., образно названном «На перепутье», в качестве показательной выделяется статья «Российская экономическая реформа: первые итоги и необходимость уточнения курса» [34, с. 70–77]. Первоначально она представляла собой аналитическую записку, направленную Председателю Верховного Совета

РФ Р.И. Хасбулатову 4 февраля 1992 г., то есть в ней фиксировались впечатления от первого месяца реализации рыночных преобразований.

Внутреннюю непоследовательность программы реформы Л.И. Абалкин видел, с одной стороны, в уповании на автоматизм рынка при отказе от государственного регулирования экономики, а с другой — в попытках чисто административного командования (в первую очередь по вопросам приватизации), выражающихся в издании многочисленных постановлений и распоряжений. В то же время программа не содержала, по его мнению, меры по стимулированию производства и экспорта.

По ряду направлений анализ первых шагов реформы сопровождался прогнозами, которые вскоре стали реальностью. К примеру, в отношении сельского хозяйства было предсказано: «Здесь можно ожидать не просто сокращения производства, но и массового забоя скота и свертывания посевных площадей, что приведет к затяжному кризису». Применительно к мерам по финансовой стабилизации также было высказано точное предвидение: «Если же в ближайшее время произойдет всплеск денежных доходов (что вполне вероятно), то гиперинфляция в гигантских размерах станет неизбежной» [34, с. 73].

Предложения Л.И. Абалкина по корректировке программы реформы заключались в смене курса, то есть в переходе к стимулированию производства, причем не «вообще», а по социально значимым приоритетам. Также именно рост производства, а не пополнение бюджета, должен был стать главной целью приватизации. Кроме того, необходимо было сочетать преобразования с мерами по социальной защите населения. Наконец, под сомнение ставился оптимизм авторов программы: «Улучшение экономической ситуации к осени нынешнего [1992] года невозможно. Все программы, рассчитанные на такой результат, не реальны и обречены на провал» [34, с. 71].

Осенью 1995 г. во время дискуссии в Политехническом музее Л.И. Абалкин, отвечая на вопросы из зала, говорил уже вполне определенно: «Провал был запрограммирован ошибками в выборе стратегии... Если мы признаем провал, то должны назвать причины. И они состоят не в стечении случайных обстоятельств и не в частных просчетах, когда курс не меняется на протяжении уже четырех лет и развал все усугубляется. Ни одна из поставленных целей не достигнута (ни в области борьбы с инфляцией, ни в стабилизации производства). Ни один прогноз не подтвердился. Когда

Гайдар объявлял, что цены в 1992 г. после либерализации вырастут в 1,5–2 раза, а они выросли в 26 раз, то, простите, это не просчет, это принципиально ошибочная оценка ситуации. Гайдар говорил потом, если бы правительство сразу объявило, что цены вырастут в 26 раз, то его бы отправили в отставку и не дали провести реформы. Но тогда Гайдар должен выбрать одно из двух: либо он просчитался как профессиональный экономист, либо — в политике — обманул народ» [35, с. 147–148].

Это высказывание приводится в сборнике выступлений Л.И. Абалкина «Логика экономического роста», опубликованном в 2002 г. Тогда же увидела свет его монография «Россия: поиск самоопределения» [36]. В одном из составляющих ее очерков высказывалась простая мысль: «Весь мировой опыт глубоких, качественных преобразований показывает одну генеральную закономерность: их успех и — что не менее важно — необратимость имели место лишь тогда, когда они отвечали интересам большинства народа» [36, с. 55]. Исходя из этого и следует оценивать мнение Л.И. Абалкина по поводу варианта реализации, итогов и возможных альтернатив рыночных преобразований 1990-х гг. в России.

Академик Н.П. Федоренко, как и Л.И. Абалкин, оценивал современную экономическую реформу в контексте исторического пути России. В монографии «Россия: уроки прошлого и лики будущего» [2] он встраивает сюжет о реформе в анализ вековых трендов, отражающих динамику национального богатства, природно-ресурсного, научно-технического и материально-производственного потенциала, а также населения России за период с конца XIX в. до конца XX в. Собственно преобразованиям 1990-х гг. отведены два раздела главы 4 «Попытки реформирования отечественной экономики и развитие русской экономической мысли» и один раздел главы 8 «Хозяйственный механизм современной рыночной экономики».

Выбор шокового варианта реформирования российской экономики Н.П. Федоренко объяснял следующим образом: «Начиная с программы „500 дней“, все планы (да, в общем, и действия) современных реформаторов страдали одним пороком: все они были перегружены телеологически, т. е. скорее основывались на рыночной экономике как цели, чем были приспособлены к модифицированию хозяйственной системы. Главным для реформаторов начала 90-х годов были два момента: стереть все с доски, ничего не оставляя, и стереть как можно быстрее» [2, с. 256–257].

Оценивая итоги шоковой терапии как провал, он отмечает три заблуждения «реформаторов» (в терминологии Н.П. Федоренко — «радикалов»): «Во-первых, исходя из того что общепринятая теория описывает экономику как комплекс системы уравнений, наши теоретики пришли к выводу, что реформы должны быть всеобъемлющими и системными, а не проводиться по частям... Во-вторых, не было в достаточной мере учтено общетеоретическое положение о том, что функционирование рыночной экономики требует наличия развитой системы законодательных, социальных, финансовых и регулирующих институтов... В-третьих, оказался неоправданным расчет на мгновенное изменение экономического поведения хозяйствующих субъектов, по мере того как будут перестроены на рыночный манер условия максимизации полезности или прибыли...» [2, с. 259]

Возможные альтернативные варианты преобразований Н.П. Федоренко рассматривал в рамках дихотомии: либо процесс формирования псевдорыночных отношений, либо — формирование социально ориентированной рыночной экономики. Соответственно, на перспективу, которые обещал новый век, он смотрел достаточно оптимистично: «В результате в стране сформировалась многоукладная экономика квазирыночного типа, что создало предпосылки для развертывания процесса строительства цивилизованной и эффективной рыночной экономики, сохраняющей принципы свободной конкуренции и в то же время проявляющей заботу о бедных и обездоленных... Но все это, по-видимому, произойдет в будущем» [2, с. 387, 391].

Данная монография Н.П. Федоренко вышла свет в серии «Российские академики об экономике». Открывала же эту серию в 1998 г. работа академика Н.Я. Петракова «Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней» [37]. В ней сюжет о реформе встраивался не в общеисторический контекст, а в схему «теория плюс практика». Поэтому первые разделы монографии были посвящены кибернетической теории рынка и теории устойчивого развития, а трансформационные процессы 1990-х гг. рассматривались с позиций не просто аналитика, но также и непосредственного участника событий.

Оценка Н.Я. Петраковым хода и результатов преобразований однозначна («Рынок без денег — достижение российских реформаторов») и во многом созвучна мнению других действительных членов РАН, критиковавших действия российского правительства на протя-

жении лихих 90-х. Вместе с тем еще детальнее его позицию можно оценить, познакомившись со сборником публицистических выступлений «Экономическая „Санта-Барбара“. Дневник экономиста-рыночника» [38].

На протяжении ряда лет Н.Я. Петраков вел в «Общей газете» свою колонку, в которой комментировал ситуацию в экономике и как ученый, и как гражданин, поэтому собранные под одной обложкой его суждения о реформе и реформаторах отличаются не свойственной обычно академическому стилю полемичностью.

Шоковый вариант преобразований Н.Я. Петраков поставил под сомнение сразу же после программного выступления Президента России Б.Н. Ельцина на Пятом съезде народных депутатов РСФСР в начале ноября 1991 г.: «Бытует мнение, что экономическая реформа — это напролом. Но реформу не сделать топором... Либерализация цен — без этого рыночная экономика не существует. Но и без конкуренции тоже. Синхронно добиться того и другого очень трудно. Освободить цены, действительно, можно сразу, а создание условий для конкуренции — это процесс» [38, с. 5].

Первые шаги реформаторов оценивались не только с научных, но и с нравственных позиций: «Сейчас уже, на мой взгляд, очевидно, что начавшиеся реформы не были подготовлены ни методологически, ни организационно... За такого рода экспромтами, увы, просматриваются организационная несостоятельность и пренебрежение к „человеческому материалу“, на котором ставится опыт» [38, с. 7, 8]. Примечательно, что вызывавшую у Е.Т. Гайдара восторг активизацию торговли с рук Н.Я. Петраков оценивал совершенно иначе: «Толкучка — это агония рынка, а не его „буревестник“» [38, с. 16].

Все это говорится и пишется на начальном этапе преобразований. Через пять лет, подводя определенные итоги проделанной работы, Н.Я. Петраков замечает следующее: «Покончили в России с пустыми прилавками в первые месяцы 1992 г. Эйфория по этому поводу соблазняет молодых мемуаристов-реформаторов до сих пор... Одна крошечная неприятность: отечественное производство рухнуло более чем наполовину, а по товарам для населения — усохло на две трети» [38, с. 62].

Комплекс безальтернативности принимаемых решений, исповедуемый реформаторами, Н.Я. Петраков рассматривает как характерную черту радикальной политики. Поэтому, отмечает он, никто не хочет признать, что дело

трансформации тоталитарной экономики в рыночную провалено полностью и почти безнадежно, а «мальчики пишут мемуары, похожие на объяснительные записки» [38, с. 53, 54].

Не менее жестко оценивает современную экономическую реформу в России академик С.Ю. Глазьев. Его взгляд на ход и результаты преобразований примечателен особо, поскольку первоначально он входил в «команду Гайдара» и занимал пост сначала заместителя, а потом и министра внешнеэкономических связей РФ. Расставшись с «молодыми реформаторами» в дни политического кризиса на рубеже сентября и октября 1993 г. в силу идейных разногласий, С.Ю. Глазьев не мог не удивиться особой характеристики со стороны Е.Т. Гайдара, предположившего, что вчерашний соратник встал на сторону Верховного Совета России из карьерных соображений, поскольку впоследствии он превратился в одного из лидеров «коммуно-националистического блока в Думе» [12, с. 281].

В свою очередь, С.Ю. Глазьев в своих публикациях предпочитает оценивать не личности, а экономические явления и тенденции. В 2003 г. в соавторстве с С.Г. Кара-Мурзой и С.А. Батчиковым он выпустил «Белую книгу реформ» [39], содержащую обширный статистический материал по демографии и благосостоянию населения России, а также ситуации в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и транспорте в течении первого десятилетия преобразований. Однако в содержательном плане реформа оценивалась в более поздней монографии «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на „экономическое чудо“» [40].

Хотя в целом С.Ю. Глазьев акцентирует в ней внимание на анализе ситуации, сложившейся в 2000-х гг., и на перспективах развития российской экономики после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., открывает книгу раздел с характерным названием «Катастрофа вместо реформы».

В оценке начала преобразований в варианте шоковой терапии С.Ю. Глазьев хотя и признает, что на рубеже 1991–1992 гг. в экономике России сложилась непростая ситуация, но сразу же отмечает, что основная ошибка реформаторов заключалась даже не в поспешности и непродуманности принимаемых решений, а в общей ориентации на доктрину рыночного фундаментализма, а точнее — на догматику «Вашингтонского консенсуса», то есть стандартного набора рекомендаций по проведению антикризисной экономической поли-

тики в слаборазвитых странах третьего мира. Соответственно, с опорой на анализ динамических рядов по большому числу показателей С.Ю. Глазьев показывает, что «спустя два десятилетия после начала радикальных реформ, практически по всем показателям эффективности производства российская экономика выглядит существенно хуже советской образца 1990 года» [40, с. 68].

Что касается первого десятилетия преобразований, то происходившие в этот период изменения С.Ю. Глазьев представляет в виде пяти ударных волн нарастания хаоса, разрушения экономики и обнищания населения:

Удар 1. Либерализация цен, обесценение доходов и сбережений граждан.

Удар 2. Утрата подавляющим большинством населения прав на ранее созданное общественное имущество, коррумпирование государства и криминализация экономики.

Удар 3. Обесценение сбережений и повторная утрата имущества населения в финансовых пирамидах.

Удар 4. Разрушение производительных сил общества в результате проводившейся макроэкономической политики.

Удар 5. Втягивание государственного бюджета, сбережений населения и денежных ресурсов производственной сферы в пирамиду государственного долга [40, с. 115, 119, 122, 124, 128].

Альтернативу рыночному фундаментализму С.Ю. Глазьев видит в китайском варианте постепенного перехода «от плана к рынку» под контролем государства: «В то время как российская экономика сжималась в конвульсиях шоковой терапии, руководство Китая, основываясь на принципах, которые безуспешно предлагала российскому руководству академическая наука, осуществляло успешную модернизацию экономики на основе постепенного выращивания рыночных институтов» [40, с. 69].

Ссылка на авторитет академической экономической науки здесь не случайна. Представители институтов экономического профиля РАН не просто на протяжении многих лет критиковали реформаторский курс российского правительства, они изначально предлагали свой вариант преобразований, не предполагающий поспешных и непродуманных решений. Говоря о том, что «реформаторы придумали миф о неизбежности экономической катастрофы», С.Ю. Глазьев приводит следующий контраргумент. По расчетам Института народнохозяйственного прогнози-

рования РАН, в отсутствие каких-либо изменений (реформ) в 1991–1993 гг. российскую экономику ожидала бы депрессия с сокращением производства не более чем на 2 %. В случае же научно обоснованного и планируемого перехода к рынку можно было бы добиться экономического роста с темпом не менее 3 % в год [40, с. 60].

Вместо заключения

Таким образом, даже краткий историографический обзор литературы по современной экономической реформе в России предлагает противоречивый набор ответов на вопросы, поставленные в центр анализа. Апологеты шоковой терапии ссылаются на угрозу голода и гражданской войны для оправдания решений, принятых в 1991–1992 гг. и вызвавших спад производства, гиперинфляцию и прочие негативные тенденции. Их критики в данном вопросе больше говорят об антигуманности избранного пути, отмечая, что отсутствие поддержки населения обусловило провал рыночных преобразований. Признавая очевидное, то есть существенное ухудшение экономических показателей, апологеты видят свой успех в

формировании системы рыночных институтов и, исходя из этого, настаивают на безальтернативности реализованного варианта реформы. В свою очередь, их оппоненты полагают, что альтернативы шоковой терапии имелись, и отличительной их чертой было бы стремление постепенно вырастить, а не внедрять в административном порядке институты рыночной экономики в России при сохранении социальных завоеваний советской эпохи.

Разумеется, большой объем литературы по данной теме остался вне рассмотрения. Вместе с тем продолжение историографического анализа видится не в повторении полученных выводов на примере других публикаций, а в детализации мнений по ряду наиболее примечательных сюжетов, в частности — приватизации государственного и муниципального имущества, дефолту 17 августа 1998 г. и смене правительственного курса в 2000-х гг., аграрной составляющей современной экономической реформы в России и т. д. В этом случае общая картина преобразований будет дополнена новыми аналитическими материалами и полученными при этом выводами.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-02-00016а.

Список источников

1. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. академика Д. С. Львова. — М. : Экономика, 1999. — 793 с.
2. Федоренко Н. П. Россия. Уроки прошлого и лики будущего. — М.: Экономика, 2000. — 489 с.
3. Колов Ю. Н. Российские реформы глазами экономистов Запада // URL: <http://www.r-reforms.ru/indexpubkolov.htm> (дата обращения — 15.02.2016 г.).
4. Лукин А. В. Демократизация или кланизация? Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.r-reforms.ru/review.htm> (дата обращения — 15.02.2016 г.).
5. Херрера Ё. Осмысление экономической реформы. Новейшие западные работы о российской экономике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.r-reforms.ru/herrera.htm> (дата обращения — 15.02.2016 г.).
6. Экономические реформы в России. Итоги первых лет. 1991–1996. — М. : Наука, 1997. — 271 с.
7. Состояние и противоречия экономической реформы / М. Ц. Мкртчян, В. О. Овакимян, Р. А. Саркисян, А. Н. Спектор. — М. : Экономика, 1998. — 206 с.
8. Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. — 655 с.
9. Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. — 439 с.
10. Гайдар Е., Чубайс А. Развилки новейшей истории России. — М.: ОГИ, 2011. — 168 с.
11. Гайдар Е. Т. Смуты и институты. Государство и эволюция. — СПб. : Норма, 2010. — 280 с.
12. Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. — М.: Вагриус, 1996. — 366 с.
13. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997 / под ред. Е. Т. Гайдара. — М. : ИЭПП, 1998. — 1114 с.
14. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1998–2002 / под ред. Е. Т. Гайдара. — М. : Дело, 2003. — 832 с.
15. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 2003–2007 / под ред. Е. Т. Гайдара. — М. : Дело, 2008. — 1328 с.
16. Фридмен М. Оптимальное количество денег // Фридмен М. Если бы деньги заговорили... — М. : Дело, 1998. — С. 43–105.
17. Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago : University of Chicago Press, 1982. — 202 p.

18. Friedman M., Friedman R. Free of Choose: A Personal Statement. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1980. — 338 p.
19. Дискуссия об азиатском способе производства. — М.-Л. : Соцэкгиз, 1931. — 183 с.
20. Никифоров В. Н. Логика дискуссии и логика в дискуссии. О раннеклассовых обществах // Вопросы истории. 1968. № 2. — С. 113–126.
21. Wittfogel K. A. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press, 1957. — 556 p.
22. Галлеев К. Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и её современная критика // Социологическое обозрение. — 2011. — Т. 10. — № 3. — С. 155–179.
23. Брелович А. Pro domo sua (Е.Т. Гайдар. Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории) // URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/pro-domo-sua-e-t-gaydar-dolgoye-vremya-rossiya-v-mire-ocherki-ekonomicheskoy-istorii> (дата обращения — 11.10.2015 г.).
24. Экономическая политика Правительства России. Документы. Комментарий. — М. : Республика, 1992. — 79 с.
25. Программа углубления экономических реформ в России. — М.: Республика, 1992. — 63 с.
26. Илларионов А. 400 дней реальной экономической реформы // Вопросы экономики. — 1993. — № 4. — С. 19–26.
27. Социально-экономическая ситуация в России. Итоги, проблемы, пути стабилизации. Аналитический доклад // Вопросы экономики. — 1994. — № 2. — С. 126–160.
28. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Дело, 2004. — 272 с.
29. Неэкономические грани экономики. Непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. междисциплинар. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. междисциплинар. проекта Б. Н. Кузык. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — 800 с.
30. Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism Against Democracy. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2001. — 745 p.
31. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? К десятилетию начала переходных процессов // Вопросы экономики. — 1999. — № 7. — С. 4–30.
32. Приватизация по-русски / Под ред. А. Б. Чубайса. — М. : Вагриус, 1999. — 366 с.
33. Ясин Е. Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. Курс лекций. — 2-е изд. — М. : ГУ ВШЭ, 2003. — 437 с.
34. Абалкин Л. И. На перепутье. Размышления о судьбах России. — М.: Институт экономики РАН, 1993. — 245 с.
35. Абалкин Л. И. Логика экономического роста. — М. : Институт экономики РАН, 2002. — 228 с.
36. Абалкин Л. И. Россия. Поиск самоопределения. Очерки. М. : Наука, 2002. — 424 с.
37. Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. — М. : Экономика, 1998. — 286 с.
38. Петраков Н. Я. Экономическая «Санта-Барбара». Дневник экономиста-рыночника. — М. : Экономика, 2000. — 231 с.
39. Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. — М. : Эксмо, 2003. — 367 с.
40. Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции. Крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». — М. : Издательский дом «Экономическая газета», 2011. — 576 с.

Информация об авторах

Берсенёв Владимир Леонидович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, Г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: colbers@bk.ru).

Татаркин Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор, академик РАН, директор, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: tatarkin_ai@mail.ru).

For citation: *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. — 2016. — Vol. 12, Issue 2. — pp. 325–341

A. I. Tatarkin, V. L. Bersenyov

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: colbers@bk.ru)

Sharp Turn to the Market. Economic Reform in Russia (1992–1998) and Its Consequences

The generalization and systematisation of the literature on the history of reforms accumulated for twenty years allow to organise the ideas of the transformations processes and to set a new vector of understanding the socio-economic development of Russia in the last decade of the 20th century — the first decades of 21st century. The first step is the analysis of the publications reflecting the preparation, a course and results of a modern economic reform in the 1990th. The historiographical review includes the monographs written by both apologists of «shock therapy», and their opponents and critics, first of all by Academicians of the Russian Academy of Sciences. This literature analysis reveals the range of opinions concerning the preference of a «shock»

variant of transformations, the assessment of the results of the reform by the end of the 1990th and the possibilities of the alternative ways of transition from the planned to the market economy. In particular, the apologists of «shock therapy» refer to the threat of hunger and civil war to justify the decisions, which have caused the decline in production, a hyperinflation and other negative tendencies. Their critics note that a lack of the support of the population has caused a failure of market transformations. While recognizing the obvious, that is an essential deterioration of economic indicators, the apologists see their success in the development of a system of market institutions and consequently, insist that there was no alternative to the realized reform. In turn, their opponents believe that there were the alternatives of «shock therapy», and the gradual cultivation of the institutions of the market economy would be their distinctive feature, but not their introduction by the administrative order.

Keywords: historiography, modern economic reform, shock therapy, liberalization of the prices, privatisation, economic recession

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the grant of the Russian Humanitarian Science Foundation № 16-02-00016a.

References

1. Lvov D. S. (1999). *Put v XXI vek (strategicheskiye problemy i perspektivy rossiyskoy ekonomiki)* [The way to the 21st century (strategic problems and prospects of the Russian economy)]. Moscow: Ekonomika Publ., 793.
2. Fedorenko, N. P. (2001). *Rossiya: uroki proshlogo i liki budushchego* [Russia: lessons of the past and ways of the future]. Moscow: Ekonomika Publ., 489.
3. Kolov, Yu. N. *Rossiyskiye reformy glazami ekonomistov Zapada* [Russian reform by the eyes of Western economists]. Retrieved from: <http://www.r-reforms.ru/indexpubkolov.htm>.
4. Lukin, A. V. *Demokratizatsiya ili klanizatsiya? Evolyutsiya vzglyadov zapadnykh issledovateley na peremeny v Rossii* [Democratization or clanization? Evolution of western researchers' views on the changes in Russia]. Retrieved from: <http://www.r-reforms.ru/review.htm>.
5. Kherrera, Yo. *Osmysleniye ekonomicheskoy reformy. Noveyskiye zapadnyye raboty o rossiyskoy ekonomike* [Understanding of economic reform. The newest western works about the Russian economy]. Retrieved from: <http://www.r-reforms.ru/herrera.htm>.
6. *Ekonomicheskiye reformy v Rossii: itogi pervykh let (1991–1996)* [Economic reforms in Russia: results of the first years (1991–1996)]. (1997). Moscow: Nauka Publ., 271.
7. Mkrtchyan, M. Ts., Ovakimyan, V. O., Sarkisyan, R. A. & Srektor, A. N. (1998). *Sostoyaniye i protivorechiya ekonomicheskoy reform* [The condition and contradictions of the economic reform]. Moscow: Ekonomika Publ., 206.
8. Gaidar, E. T. (2005). *Dolgoye vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii* [Long time. Russia in the world: essays on economic history]. Moscow: Delo Publ., 655.
9. Gaidar, E. T. (2006). *Gibel imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii* [Destruction of empire. Lessons for modern Russia]. Moscow: Rosspen Publ., 439.
10. Gaidar, E. & Chubais, A. (2011). *Razvilki noveysheiy istorii Rossii* [The forks of the newest history of Russia]. Moscow: OGI Publ., 168.
11. Gaidar, E. T. (2010). *Smuty i instituty. Gosudarstvo i evolyutsiya* [The distempes and institutions. The power and the evolution]. St. Petersburg: Norma Publ., 280.
12. Gaidar, E. T. (1996). *Dni porazheniy i pobed* [The days of defeats and victories]. Moscow: Vagrius Publ., 366.
13. Gaidar, E. T. (Ed.). (1998). *Ekonomika perekhodnogo perioda. Ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii. 1991–1997* [The transitional economy. Essays of the economic policy of postcommunist Russia. 1991–1997]. Moscow: IEPP Publ., 1114.
14. Gaidar, E. T. (Ed.). (2003). *Ekonomika perekhodnogo perioda. Ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii. 1998–2002* [The transitional economy. Essays of economic policy of postcommunist Russia. 1998–2002]. Moscow: Delo Publ., 832.
15. Gaidar, E. T. (Ed.). *Ekonomika perekhodnogo perioda. Ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii. 2003–2007* [The transitional economy. Essays of economic policy of postcommunist Russia. 2003–2007]. Moscow: Delo Publ., 1328.
16. Friedman, M. (1998). *Optimalnoye kolichestvo deneg* [Optimum quantity of money]. *Esli by dengi zagovorili...* [If the money could speak...]. Moscow: Delo Publ., 43–105.
17. Friedman, M. (1982). *Capitalism and Freedom*. New York: Chalidze Publications, 202.
18. Friedman, M. & Friedman, R. (1980). *Free of Choose*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 338.
19. *Diskussiya ob aziatskom sposobe proizvodstva* [Discussion about the Asian way of manufacture]. Moscow-Leningrad: Sotsekgiz Publ., 183.
20. Nikiforov, V. N. (1968). *Logika diskussii i logika v diskussii (o ranneklassovykh obshchestvakh)* [The logic of discussion and the logic in discussion (about the early class societies)]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2, 113–126.
21. Wittfogel, K. A. (1957). *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven, London: Yale University Press, 556.

22. Galleyev, K. (2011). Teoriya gidravlicheskogo gosudarstva K. Wittfogelya i eyo sovremennaya kritika [Wittfogel's theory of hydraulic state and its modern criticism]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian sociological review], 10(3), 155–179.
23. Brelovich, A. *Pro domo sua* (Dolgoye vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii) [Pro domo sua (Long time. Russia in the world: essays on economic history)]. Retrieved from: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/pro-domo-sua-e-t-gaydar-dolgoye-vremya-rossiya-v-mire-ocherki-ekonomicheskoy-istorii>.
24. *Ekonomicheskaya politika Pravitelstva Rossii: Dokumenty. Kommentariy* [Economic policy of the Government of Russia: Documents. Comments]. Moscow: Respublika Publ., 79.
25. *Programma uglubleniya ekonomicheskikh reform v Rossii* [The program of deepening of economic reforms in Russia]. Moscow: Respublika Publ., 63.
26. Illarionov, A. (1993). 400 dney realnoy ekonomicheskoy reformy [400 days of the real economic reform]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economics], 4, 19–26.
27. Sotsialno-ekonomicheskaya situatsiya v Rossii: itogi, problemy, puti stabilizatsii (analiticheskiy doklad) [The social and economic situation in Russia: results, problems, ways of stabilization (the analytical report)]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economics], 2, 126–160.
28. Aganbegyan, A. G. (2004). *Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye Rossii* [Socio-economic development of Russia]. Moscow: Delo Publ., 272.
29. *Neekonomicheskiye grani ekonomiki: nepoznannoye vzaimovliyaniye. Nauchnyye i publitsisticheskiye zametki obshchestvovedov* [Noneconomic sides of economy: unexplored interference. Scientific and publicistic notes of social scientists]. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategiy Publ., 800.
30. Reddaway, P. & Glinski, D. (2001). *The Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism Against Democracy*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 745.
31. Stiglitz, J. (1999). Kuda vedut reformy? (K desyatiletuyu nachala perekhodnykh protsessov) [Where the reforms lead to? (To a decade of the beginning of transients)]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economics], 7, 4–30.
32. Chubais, A. B. (Ed.). (1999). *Privatizatsiya po-rossiyski* [Privatization in the Russian way]. Moscow: Vagrius Publ., 366.
33. Yasin, E. G. (2003). *Rossiyskaya ekonomika. Istoki i panorama rynochnykh reform: Kurs kektsiy* [Russian economy. Sources and a panorama of market reforms: the course of lectures]. Moscow: HES Publ., 437.
34. Abalkin, L. I. (1993). *Na pereputye. (Razmyshleniya o sudbakh Rossii)* [At the crossroads. (Reflections about destinies of Russia)]. Moscow: Institute of Economics RAS Publ., 245.
35. Abalkin, L. I. (2002). *Logika ekonomicheskogo rosta* [Logic of economic growth]. Moscow: Institute of Economics RAS Publ., 228.
36. Abalkin, L. I. (2002). *Rossiya: poisk samoopredeleniya. Ocherki* [Russia: the search of self-determination. Essays]. Moscow: Nauka Publ., 424.
37. Petrakov, N. Ya. (1998). *Russkaya ruletka. Ekonomicheskii eksperiment tsenoyu 150 millionov zhizney* [Russian roulette. An economic experiment at the cost of 150 million lives]. Moscow: Ekonomika Publ., 286.
38. Petrakov, N. Ya. (2000). *Ekonomicheskaya "Santa-Barbara". Dnevnik ekonomista-rynochnika* [Economic «Santa Barbara». The diary of the economist-market expert]. Moscow: Ekonomika Publ., 231.
39. Glazyev, S. Yu., Kara-Murza, S. G. & Batchikov, S. A. (2003). *Belaya kniga. Ekonomicheskiye reformy v Rossii 1991–2001 gg.* [White book. Economic reforms in Russia, 1991–2001]. Moscow: Eksmo Publ., 367.
40. Glazyev, S. Yu. (2011). *Uroki ocherednoy rossiyskoy revolyutsii: krakh liberalnoy utopii i shans na "ekonomicheskoye chudo"* [Lesson of the next Russian revolution: crash of a liberal Utopia and chance for the "economic miracle"]. Moscow: Ekonomicheskaya gazeta Publ., 576.

Authors

Alexander Ivanovich Tatarkin — Doctor of Economics, Professor, Member of RAS, Head of the Institute, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: tatarkin_ai@mail.ru).

Vladimir Leonidovich Bersenyov — Doctor of History, Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: colbers@bk.ru).